

— Искусство, как говорится, перед обществом в большом долгу, но и вы, дорогая Ирина Андреевна, тоже кое-чем провинились перед творческой интеллигенцией. Почистить карму не угодно ли?

С этими словами председатель суда Павел Михайлович любовно погладил по лысине мраморный бюстик Ленина, расположенный у него на столе под правой рукой возле чернильного прибора.

Ирина нахмурилась:

— Простите?

— Ах, память девичья, — засмеялся председатель, — забыли уже режиссера Пахомова?¹ Нет?

— Ну конечно, нет, Павел Михайлович. Такое не забывается.

Председатель с улыбкой покачал головой:

— Надеюсь, что так. Не каждый день ведь наносите удар в самое сердце советской культуры. Так вот, дорогая моя, появился шанс реабилитироваться.

¹ Прочитать об этом деле можно в романе М. Вороновой «Сама виновата», М., изд. «Эксмо».

Начиная понимать, куда клонит начальник, Ирина с тоской посмотрела на скоросшиватели.

— Да, да, и не надо морщиться, Ирина Андреевна. Прекрасное дело!

— Вы думаете? — Ирина усмехнулась.

— Боже мой, конечно! Культурные люди, и никто никого даже не убил. Ну прелесть!

— Павел Михайлович, пожалуйста, — заняла Ирина, для убедительности молитвенно сложив ладони, — я же ничего не смыслю в хозяйственных преступлениях! Пусть Иванов...

— Иванов плотно занят на другом процессе.

— Павел Михайлович, я ведь не кокетничаю, когда говорю, что арифметика не мой конек! Честное слово, клянусь! Например, фраза «квадратная комната три на четыре метра» не вызывает у меня никаких вопросов.

— А должна?

— Квадрат — это равносторонний прямоугольник, — мрачно заметила Ирина.

Председатель засмеялся:

— Вот видите, дорогая, вы уже понимаете в математике больше моего.

Артачиться дальше глупо, дело все равно окажется у нее, раз так решил начальник, но для профилактики надо немножко повыпендриваться, чтобы Павел Михайлович не считал ее совсем уж безответной и безропотной. Ирина состроила гримаску, а председатель выбрался из-за стола, очень отчетливо кряхтя, что было, конечно же, тоже частью спектакля о том, как старого и мудрого руководителя мучают слишком дерзкие подчиненные.

Взяв ее руку в свои, он торжественно произнес:

— Не бойтесь, Ирина Андреевна, все уже посчитано до вас. Над делом работал сам Алексей Сергеевич!

Ирина повеселела. Алексей Сергеевич Очеретный, опер из ОБХСС, был поистине уникальным работником, умел не только вскрыть аферу, но и убедительно выстроить доказательную базу. Следователи буквально молились на него и радовались, что Алексей Сергеевич, обладая гениальным умом, выбрал стезю закона, а не встал на скользкий путь профессора Мориарти, иначе народных средств каждый год недосчитывались бы намного больше.

Жаль, что теперь ей нельзя поговорить с Алексеем Сергеевичем запросто, поскольку она рассматривает дело, над которым он работал вместе со следователем Николаевым. Так что все контакты должны быть строго официальными. Но Очеретный есть Очеретный, а потому в деле должно быть все ясно даже такой незамутненной в финансовом отношении даме, как она.

— Я вам доверяю этот процесс не просто так, — Павел Михайлович вдруг посерьезнел, — а потому, что вы на сегодняшний день у меня самый принципиальный и добросовестный сотрудник.

Ирина поморщилась:

— Большое спасибо, конечно, за лестные слова...

— Это правда, Ирочка. Вы объективны и честны, не поддаетесь ни на угрозы, ни на посулы.

— Просто не пугали и не соблазняли как следует.

— Ладно, ладно, не скромничайте. Я в вас верю. Идите в секретариат, получайте дело.

— Спасибо, — сухо повторила Ирина и с тяжелым вздохом направилась к двери.

Павел Михайлович окликнул ее на самом пороге:

— Ирина Андреевна, учтите, там хищение в особо крупных размерах.

— Неужели там украли свыше десяти тысяч рублей, чтобы попасть под такую статью? — удивилась Ирина.

— Именно.

— Какая радость!

— А вы же еще ни разу к высшей мере не приговаривали?

— Бог миловал.

— Ну вот и не надо начинать именно сейчас. Все-таки кино дело не то чтобы несерьезное, но лишать из-за него жизни как-то глупо.

— Я вообще против смертной казни, Павел Михайлович, вы же знаете.

— Вот и хорошо.

Вернувшись в кабинет, Ирина хотела сразу приняться за бумаги, но вместо этого заварила себе кофейку. Успеет еще погрузиться в эту, по меткому выражению Алексея Сергеевича, поэзию цифр и погнать себе пару извилин над всякими накладными, платежными поручениями и счетами-фактурами, которые вообще бог знает зачем существуют и что представляют из себя.

Господи, да она когда квитанции за квартиру заполняет, плачет горячими слезами, тратит на это по полдня, и то каждый раз боится, что напутала и платеж не прошел, а Павел Михайлович хочет, чтобы она изучила пять томов финансовых документов!

Смешно подумать, что до сегодняшнего дня процессы Кирилла¹ и Еремеева² казались ей верхом сложности. Нет, то легкотня была, а вот где истинное крючкотворство! С тоской взглянув на скоросшиватели, Ирина убрала их в сейф и заперла замок на все обороты. До завтра она к этим бумажкам даже не притронется, а если Павел Михайлович вдруг спросит, то фабула ей известна, слава богу, с коллегами дружит и сплетни слушает.

Ирина следила за перипетиями этого громкого дела с любопытством и азартом, ибо на сто процентов была уверена, что рассматривать его ей не придется. Для этого есть понаторевший в хозяйственных преступлениях Иванов или не менее опытный судья Табидзе, которым бухгалтерская отчетность не кажется древними загадочными письменами.

Подумаешь, Иванов в процессе! Там дело движется к концу, а Табидзе вообще скучает и, как Шерлок Холмс, сетует на тупость и предсказуемость преступного элемента. Он был бы счастлив погрузиться в сложное многоэпизодное дело, но нет. Выбор руководства снова пал на Ирину, и, не будем обольщаться, не за ее великие достоинства, а всего лишь потому, что в свое время коллеги присвоили ей титул «мисс Оправдание».

Когда-то она вынесла оправдательный приговор, несмотря на указание сверху, потом повторила этот

¹ Об этом процессе судьи Ирины Поляковой читайте в романе М. Вороновой «Женский приговор», М., изд. «Эксмо».

² А об этом — в романе М. Вороновой «Погружение в отражение», М., изд. «Эксмо».

фокус, когда на нее прямо не давили, но соблазнили быстрым продвижением по карьерной лестнице в обмен на высшую меру, а потом вышла замуж и родила второго ребенка, чем окончательно убедила коллег в том, что семья и справедливость ей дороже всего на свете.

Ну а раз так, то давай, Ирина Андреевна, бросайся под все танки, тебе, в случае чего, терять нечего, а мы мужики, у нас мало ли как жизнь повернется. Вдруг повышение предложат, а у нас в анамнезе неуютный приговор, конфронтация с партийными органами. Нет, не надо нам такого.

По этому принципу ее не так давно поставили на процесс прокурора Макарова. Бог его знает, куда там кривая выведет, а ты, Ирочка, при любом исходе ничем не рискуешь. С должности тебя, мать двоих детей, никак не сковырнешь, но и выше ты тоже не поднимешься. Все блестящие перспективы заслонила счастливая семейная жизнь и твоя строптивость.

Павел Михайлович симпатизирует режиссеру Соломатину и понимает, что если кто отважится оправдать его, так это будет именно Ирина.

Тем более за ней должок, как председатель не преминул напомнить. Одного деятеля киноискусства опорочила, другого надо вывести из-под удара.

Ирине и самой хотелось оправдать Соломатина, попавшего в число подсудимых явно по распоряжению соответствующих органов, вот если бы только для этого не надо было чахнуть над финансовой документацией...

А впрочем, и не надо, ведь Соломатин руководит творческим процессом, а за финансовый оборот

отвечает директор картины, он и подписывает все бухгалтерские документы. Просто заслуженный деятель искусств Игорь Васильевич Соломатин слишком дерзко и талантливо критиковал советскую власть, вот компетентные органы и распорядились пристегнуть его к уголовному делу, чтобы слегка охолонул в своем диссидентском запале.

Выдавал бы идеологически выдержанный продукт, так пошел бы свидетелем, максимум его пожурила бы дирекция «Ленфильма», что не проследил за своим слишком шустрым директором картины. Когда человек весь в искусстве, что с него возьмешь? Если он такой же математический кретин, как Ирина, и хочется кино снимать, а не сверять всякие там дебет с кредитом, тем более что для этого существует специально обученный человек? Режиссерам вообще тяжело, намного хуже, чем писателям, композиторам и художникам, которым взял ручку-бумажку, да и работай. Ладно, художнику еще холст-масло потребуется, но такой расход любой советский человек может себе позволить. А вот кино ты никак не снимешь на собственные средства, ни при каких обстоятельствах, и что делать, если бог одарил тебя талантом именно в этой области? Если ты чувствуешь мучительную потребность воплощать творческие замыслы именно в виде фильма? Писатель может писать в стол, а режиссер без работы вынужден носить свои идеи внутри своей головы, и это, наверное, очень тяжелый груз. И неизвестно еще, кому хуже: тем, кто после многих неудачных попыток поступить во ВГИК смирился и направил свою энергию в другое русло, или тем, кто получил вождеденный диплом и мается без работы.

Взять, например, ее саму. Она занимает завидную должность судьи в городском суде, но если бы не сложилось, то сидела бы в районном, а если бы и там не вышло, могла уехать на периферию и там заниматься любимым делом. Да, скучала бы по Ленинграду, но плодотворно и с интересом работала бы по специальности. Или одареннейший психиатр нашей с вами современности, ведущий специалист по малякам Витя Зейда. Не срослось бы с аспирантурой, сидел бы в краю летающих собак и там реализовывал свое призвание лечить людей от психических заболеваний.

У кинорежиссеров такой возможности нет. Они или снимают фильмы на киностудиях страны, или работают не по специальности.

Игорю Васильевичу повезло. Его дипломная работа была оценена так высоко, что пошла в прокат, дебютный фильм получил приз на Берлинском кинофестивале, и с тех пор Соломатин частенько радовал советский народ своими гениальными, а на взгляд Ирины, скучнейшими и пустыми фильмами.

Естественно, она никому не признавалась, что не понимает творчество мастера, а послушно закатывала глаза от восторга, когда при ней упоминали «Путь за горизонт», «Мглу над городом» и другие фильмы великого Соломатина.

Если бы встал перед ней выбор, куда идти, на премьеру фильма Соломатина или в сотый раз посмотреть комедию Гайдая, Ирина без колебаний выбрала бы второй вариант с оговоркой, что об этом ее решении никогда и никому не стало бы известно. В культурном багаже советского интеллигента филь-

мы Соломатина так же обязательны, как «Мастер и Маргарита», Хемингуэй, Феллини и Солженицын.

Стыдясь своих примитивных вкусов, Ирина очень хотела увидеть и понять «оттенки смыслов», «тонкую и нервную ткань сюжета» и «трансцендентность повествования» фильмов Соломатина, но не получалось. Возможно, потому, что она слабо представляла себе значение термина «трансцендентность», а искать в словаре было лень.

Кирилл высоко ценил творчество Игоря Васильевича, но на каждый новый его фильм в кинотеатр не рвался. Он говорил, что ходит в кино поржать и попереживать, а для «подумать» и «посмотреть на красивую картинку» у него есть книги и музеи. Ирина укоризненно качала головой, а сама радовалась, что не одна она такая отсталая в их семействе.

Естественно, в фильмах Игоря Васильевича было полно шпилек в адрес социалистического строя, иначе они не получили бы такого горячего приема у советской интеллигенции, но за мутным повествованием и невнятной авторского высказывания эти шпильки как-то не кололи глаз.

Года три назад Соломатин то ли решил попробовать себя в новом амплуа, то ли руководство киностудии вспомнило лозунг «Все лучшее — детям», в общем, великий режиссер поставил фильм по мотивам сказок Андерсена.

Картина оказалась преисполнена такой лютой сатирой на социалистический строй, что удивительно, как пошла в прокат, а не легла на полку. Очевидно, в тот день на смену заступила бригада слепоглухих цензоров, другого объяснения Ирина не находила.

Да, формально отрицательные персонажи являлись королями и графами, но сходство их с лидерами СССР бросалось в глаза даже первоклассникам, для коих, собственно, фильм и был снят. Тем не менее картину не запретили, даже периодически показывали во «В гостях у сказки», вызывая гнев Егора, который этот фильм отчаянно не любил. Пошел в мать по части примитивных вкусов.

Ирине тоже казалось, что Соломатин, увлекшись обличением социалистического общества, забыл, что работает для детей, которым нужна интересная сказка, а тонкий юмор на злобу дня они по малолетству просто не понимают. Зато большинство родителей было просто в восторге от гражданской смелости режиссера.

Почему же фильм, густо замешанный на антисоветчине, все же вышел на экраны? А просто эффект запредельной наглости никто не отменял. Ведь бывает, слушаешь какую-нибудь лютую ахинею и думаешь, что нет, не может собеседник быть таким дураком, наверное, это я чего-то не знаю и не понимаю. Администрация студии и партийное руководство были твердо убеждены, что ни один человек в здравом уме не позволит себе такие суицидальные шуточки, а раз так, значит, Соломатин ничего плохого не имел в виду, просто такая уж у него творческая манера и художественное видение. Так или иначе, но режиссера не отлучили от работы, а, наоборот, позволили ему снять еще один детский фильм, основанный на вольной интерпретации сказок Шарля Перро.

В этот раз Игорь Васильевич тоже не удержался от рискованных аллюзий, но «Шляпа с пером» по срав-

нению с предыдущим фильмом выглядела просто апофеозом благонадежности. Подумаешь, злой маркиз обещал своим крестьянам, что они найдут награду за труд в конце борозды, а потом, хохоча, уточнял, что не имел в виду конкретно эту. Просто художник так раскрыл угнетателя, а про советские порядки в тот момент вообще не думал.

Ребятишкам фильм понравился, может, из-за более низкого градуса сатиры, а может, потому, что Соломатин в этой картине много снимал детей.

Цензура пропустила «Шляпу с пером», но вскоре вопросы к создателям шедевра появились совсем у другого ведомства.

ОБХСС стало известно о довольно остроумной афере, которую провернула съемочная группа. Отрицательный маркиз в фильме злодействовал не один, а с помощью бригады пажей, наряженной в черные кожаные плащи. Если цензура не увидела тут аллюзию на чекистов, то, по мнению Ирины, зря ела свой хлеб, ну да не в этом суть. Главное, что кожу высочайшего качества, закупленную для производства плащей, продали в ателье, что называется, «мимо кассы», а пажам пришлось довольствоваться плащами из черного сатина, который на экране выглядел в точности как кожа.

После съемок плащи были на безвозмездной основе переданы в подшефный Дворец культуры города Тихвина, где их через пару лет благополучно списали бы и никто ничего никогда бы не доказал, но в своей тонко продуманной преступной схеме злодеи не учли одного — громкого имени режиссера. Успешный и знаменитый человек всегда окружен завистниками,